Хилая совѣсть.

Крестьяне убили поэта-толстовца Леонида Семенова. Они убили сначала его шестидесятилѣтняго родственника, небезизвѣстнаго общественнаго дѣятеля, потомъ убили поэта.

Когда эти строчки газетнаго петита попали мнѣ на глаза, мнѣ стало страшно и больно не только потому, что погибъ этотъ незаурядный и еще молодой человѣкъ: мнѣ стало страшно и больно, потому что въ этомъ убійствѣ я почувствовалъ особый зловѣщій смыслъ.

Я встрѣчалъ Леонида Семенова въ Петербургѣ въ 1904 году.

Это былъ стройный, гибкій, красивый юноша съ нѣжными губами и мечтательными глазами, отравленный тогда декадентскимъ зельемъ, но уже и въ тѣ дни заболѣвшій иною, нашей россійскою болѣзнью, коей точное наименованіе—*гипертрофія совѣсти*.

Генрикъ Ибсенъ замѣчалъ симптомы этой болѣзни у своихъ соотечественниковъ, но во-истину ни у одного народа Европы эта болѣзнь не достигала такихъ размѣровъ, какъ у насъ, русскихъ.

Діагнозъ болѣзни установить не такъ ужъ трудно. Человѣкъ, страдающій этимъ душевнымъ недугомъ, теряетъ чувство мѣры и способность понимать и оцѣнивать относительность исторіи. Совѣсть его безмѣрно растетъ и ширится въ ущербъ всѣмъ прочимъ качествамъ и свойствамъ души. Естественно, что при такомъ болѣзненномъ развитіи она, несмотря на свое преобладаніе въ душевномъ мірѣ человѣка, становится хилою и немощною. Исторія и жизнь требуютъ отъ человѣка мужества, но нельзя быть мужественнымъ, если твое нравственное сознаніе непрестанно твердитъ тебѣ о грѣховности всего историческаго процесса. Отсюда—жажда отказаться отъ исторіи вовсе, уйти отъ нея, не противиться злу насиліемъ; отсюда—отказъ отъ культуры и отъ государственности прежде всего. Этой болѣзнью страдали всѣ примѣчательные русскіе люди, но одни изъ нихъ, какъ Достоевскій и Владиміръ Соловьевъ, преодолѣли ее, другіе же,—огромное большинство,—отъ соблазна хилой совѣсти не освободились до конца дней.

Одинъ былъ только среди нашихъ поэтовъ, который этою болѣзнью не страдалъ никогда,—это Пушкинъ. Но дѣло Пушкина и дѣло Петра Великаго мы, кажется, въ эти дни предали и, быть-можетъ, предали навсегда.

Мы утратили не только чувство государственности и сознаніе нашихъ великодержавныхъ правъ, но даже наше національное достоинство, которое свойственно самымъ малымъ и судьбою обиженнымъ народамъ.

Мы стали всѣ толстовцами, непротивленцами. И хотя ни одинъ русскій человѣкъ не вѣритъ въ бронштейновскій и ульяновскій «интернаціоналъ», вся Россія вдругъ пошла какъ завороженная на эту приманку, потому что краснымъ флагомъ можно было прикрыть нашу непротивленскую наготу, наше отвращеніе къ государственности, нашу хилую совѣсть.

Но отвращеніе къ формамъ европейской государственности находитъ себѣ двоякое выраженіе: или мы, изнемогая отъ избытка добродѣтели, начинаемъ «вегетаріанствовать» и вообще терять вкусъ къ жизни, какъ полагается аскетамъ; или мы объявляемъ войну культурѣ во имя какого-то дикаго разгула и нетерпѣливой жажды все разрушить, все «послать къ чорту».

Поэтъ Леонидъ Семеновъ выбралъ первый путь,—путь непротивленства: мужики, которые убили его, соблазнились вторымъ соблазномъ,—«на все наплевать».

И убійцы, и жертва—дѣти одной стихіи, одного начала. Если на одномъ концѣ общественной лѣстницы стоитъ Левъ Толстой, то на другомъ концѣ—Бакунинъ, Нечаевъ, Емелька Пугачевъ и Стенька Разинъ.

Эстетъ Леонидъ Семеновъ, написавшій когда-то книжку изысканныхъ стиховъ, рѣшаетъ вдругъ «опроститься» и идетъ по тому же пути, по какому пошелъ Александръ Добролюбовъ,—тоже бывшій декадентъ, а потомъ сектантъ, непротивленецъ, промѣнявшій цѣнности европейской культуры на «сестрицу Нищету», какъ выражался Францискъ Ассизскій. Это «самосожженіе» нашихъ интеллигентовъ совершенно непонятно европейцамъ.

Я помню, какъ однажды въ Парижѣ, въ кулуарахъ палаты депутатовъ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ нѣсколькими французскими политическими дѣятелями и какъ одинъ изъ нихъ сказалъ, тонко улыбаясь:

— Вы, русскіе, народъ опасный. Вашей монархіи я не боюсь. Она все-таки понятна. Я боюсь вашей анархіи. Это что-то экстраординарное и непонятное абсолютно. Самое страшное это то, чего нельзя понять.

Я не могу сказать, какъ этотъ французъ, что я *не понимаю* нашего анархизма, но долженъ признаться, что мое пониманіе вовсе не исключаетъ моего страха передъ нимъ. Напротивъ, чѣмъ глубже вникаешь въ духъ и содержаніе нашихъ анархическихъ идей и нашей анархической стихіи, тѣмъ больше начинаешь бояться и толстовскаго непротивленства, и пугачевско-ленинскаго звѣрства. И жертвы, и убійцы равно ужасны въ своей оторванности отъ дѣла всемірнаго строительства, отъ общеевропейскихъ и вселенско-христіанскихъ задачъ, поставленныхъ западною культурою.

Я далекъ отъ мысли, что намъ надо цѣликомъ и покорно, безъ критики, принять идеи и формы западно-европейскаго міра, но я увѣренъ, что отреченіе отъ этихъ началъ въ духѣ нашего непротивленства или бунтарства (въ своей сущности это одно и то же) есть величайшее зло и самая безысходная и мрачная реакція.

Если мы можемъ гордиться тѣмъ, что мы понимаемъ непонятную для европейцевъ идею «непріятія міра», какъ ее раскрылъ Достоевскій, то тѣмъ болѣе должны мы стыдиться, что, понявъ эту идею, мы застряли на полпути и не сдѣлали изъ нея надлежащихъ выводовъ. Кому много дано, съ того много и взыщется.

Мятежная и все отрицающая душа русскаго человѣка во-истину сгоритъ и погибнетъ въ этомъ своемъ бунтѣ, если не найдетъ себѣ болѣе высокаго оправданія. Надо знать, *во имя* чего ты бунтуешь. А если мы будемъ биться головою о стѣну или воевать съ мельницами, въ восторгѣ и упоеніи отъ своего «дерзанія», это еще не сдѣлаетъ насъ равными въ самомъ дѣлѣ прекрасному и благородному рыцарю, истинному европейцу и христіанину, Донъ-Кихоту, ибо этотъ безупречный и доблестный человѣкъ сражался во имя истинной любви и высокой правды и не былъ ни изувѣромъ, ни безбожникомъ.

Георгій Чулковъ.

24-го (11) февраля 1918 г.

У дикарей.

„Въ ночь на 1-е марта въ Москвѣ арестованъ красногвардейцами епископъ камчатскій и петропавловскій Несторъ"...

Это было въ октябрѣ 1916 года. Я возвращался изъ Японіи и только-что пріѣхалъ съ Владивостокской пристани на вокзалъ. Среди публики, наполнявшей дебаркадеръ и спешащей около отходящаго на Петроградъ экспресса, невольно бросался въ глаза высокій, молодой монахъ. Обращала на себя вниманіе и его молодость, и почтеніе, которое ему оказывали вокругъ, и особенно два букета живыхъ цвѣтовъ, которые онъ держалъ въ рукахъ. Цвѣты такъ странно было видѣть у монаха, да еще съ такимъ серьезнымъ, строгимъ лицомъ.

И такъ же было странно, что онъ все время держался около какой-то, тоже молодой, женщины, которой, повидимому, и предназначались его букеты.

Скоро послѣ того какъ мы размѣстились въ своихъ купэ и поѣздъ тронулся, мы узнали изъ бесѣдъ, что съ нами, въ одномъ вагонѣ, ѣдетъ мать камчатскаго архіерея Нестора, только сегодня или наканунѣ хиротонисованнаго во владивостокскомъ соборѣ.

Знающіе передавали, что это—самый молодой изъ архіереевъ, исключительно молодой,—ему только-что исполнилось тридцать два года. Онъ былъ на вокзалѣ, провожая мать.

— Можетъ-быть, видѣли, такой молодой монахъ. Еще цвѣты въ рукахъ держалъ?

Однако, если удивительна была молодость архіерея, то еще непонятнѣе была молодость его матери. Я замѣтилъ эту женщину. Стройная, высокая,—она и фигурой, и походкой, и лицомъ гораздо болѣе напоминала совсѣмъ молодую женщину, чѣмъ мать взрослаго человѣка, да еще архіерея.

Въ долгомъ пути люди чувствуютъ себя близкими другъ-другу и очень быстро знакомятся. Кажется, на слѣдующее же утро мнѣ пришлось уже вступить съ нею въ первую бесѣду. Экспрессъ шелъ десять дней. Собирались, разговаривали, устраивали чтенія вслухъ. Многіе многое разсказали другъ-другу о себѣ. Со своей спутницей больше всего мы бесѣдовали объ ея сынѣ, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ невѣроятной глуши, среди полудикихъ племенъ, и теперь, принявъ посвященіе во епископы, снова уѣзжаетъ туда... надолго,—можетъ-быть, навсегда.

Было необыкновенно странно смотрѣть на эту архіерейскую мать. Она и вблизи, и днемъ, производила то же самое впечатлѣніе молодости. Кромѣ этого въ ней была необыкновенно пріятная простота свѣтскаго человѣка, въ самомъ лучшемъ высокомъ значеніи этого слова. И ничего рѣшительно не было отъ духовныхъ. Да она и не была изъ духовнаго званія. Не знаю, кѣмъ былъ ея отецъ, а мужъ ея, отецъ архіерея,—боевой генералъ, израненный и контуженный въ бояхъ. Она достала фотографическую группу. На ней—она съ мужемъ, другой сынъ,—помнится, въ военномъ мундирѣ,—и молодой монахъ съ печальнымъ и строгимъ лицамъ. Та строгость, которая всецѣло относится къ самому себѣ и не распространяется на другихъ. Такой странный былъ этотъ монахъ, въ обществѣ двухъ воиновъ и одной женщины.

Онъ кончилъ реальное училище, но потомъ его потянуло на миссіонерскіе курсы. Не помню, поступилъ ли онъ въ академію, но скоро оказался на Камчаткѣ, и сталъ жить среди коряковъ, камчадаловъ, тунгузовъ, входя во всѣ ихъ нужды, проповѣдывая среди нихъ Евангеліе, уча ихъ и постоянно объѣзжая разбросанныя на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга селенія.

Жизнь почти въ пустынѣ: въ Петропавловскомъ, напримѣръ, округѣ, на 339,700 кв. в. приходятся 11,000 жителей, т. е. по $^{3}/_{100}$ человѣка на квадратную версту. Способы передвиженія—на собакахъ, въ маленькихъ санкахъ. Такимъ образомъ, епископъ Несторъ въ теченіе года совершаетъ 4—6 тысячъ верстъ. Уровень культуры тѣхъ племенъ, которыя представляютъ собою почти единственное его общество, таковъ, что все здѣсь кажется намъ сказкой. Вотъ племя, гдѣ женщину, когда наступаетъ для нея время родить, выгоняютъ изъ юрты, какъ бы ни былъ свирѣпъ морозъ. Она идетъ, куда глядятъ глаза, рождаетъ безъ чьей бы то ни было помощи и затѣмъ съ ребенкомъ возвращается въ юрту, влѣзая туда чрезъ отверстіе въ крышѣ.

Письменности у коряковъ не существуетъ. Преосв. Несторъ перевелъ на корякскій языкъ Евангеліе, отпечаталъ его русскимъ шрифтомъ и обучаетъ населеніе грамотѣ. Его любятъ, а онъ фанатически преданъ своей паствѣ. Онъ никогда и никуда не хочетъ уѣзжать изъ этого края.

Его любятъ и угощаютъ. Онъ разсказывалъ матери, какъ впервые угощался онъ, прибывъ въ одну изъ юртъ, къ тунгузамъ, или къ якутамъ, не помню. Хозяйка угостила его юкалой. Это—похлебка изъ рыбы, у которой не соскабливаютъ чешую и не вынимаютъ внутренностей. Хозяйка взяла миску, на которой засохла прежняя ѣда, усиленно поплевала въ нее, вытерла подоломъ своей юбки, налила кушанья и подала гостю.

— И вы ѣли это?—спросила монаха мать (она теперь называетъ его «на вы»).

— Старался, мама, чтобы имъ казалось, что я ѣмъ: отказаться отъ угощенія—для нихъ большая обида.

— Онъ у меня совсѣмъ не отъ міра сего,—разсказывала моя спутница.

Разсказывала безъ малѣйшей слащавости, не рисуясь, просто и спокойно.

— Теперь мнѣ его очень долго не придется увидѣть. Онъ зоветъ меня къ себѣ, но я не рѣшаюсь поѣхать туда. Пріѣхала, вотъ, во Владивостокъ, на хиротонію, а теперь когда увидимся,—неизвѣстно. Онъ отъ своихъ коряковъ никуда не хочетъ. Говоритъ, что здѣсь и свѣкуетъ...

Церковный соборъ заставилъ епископа Нестора пріѣхать въ Москву. Вѣроятно, и съ матерью, и со всей своей семьей повидался. Если неожиданно было свиданіе, то-то, что произошло теперь, еще неожиданнѣе. Живущій въ легендарной глуши, отдавшій всего себя на работу полудикимъ племенамъ, епископъ оказался, повидимому, контръ-революціонеромъ; арестованъ и неизвѣстно, что ожидаетъ его.

Не напрасно его такъ тянуло, туда, къ дикарямъ. Насколько были гостепріимнѣе безкрайныя снѣжныя пустыни, первобытные коряки, «и нынѣ дикіе тунгузы», чѣмъ наша сверхсоціалистическая культура. Насколько лучше поданная въ бѣлой слюною чашкѣ юкала того угощенія, которое ему приготовили въ Москвѣ.

И насколько лучше быть не отъ міра сего, чѣмъ соприкасаться съ этимъ обращеннымъ въ соціалистическій рай міромъ...

Сергѣй Яблоновскій.

Разгонъ и арестъ по ошибкѣ.

(*Письмо изъ Харькова*).

Харьковское губернское земское собраніе, впервые собравшееся въ новомъ составѣ, подверглось набѣгу большевиковъ. На четвертый день сессіи, 18-го января, въ управу явился комендантъ (солдатъ) съ вооруженными красногвардейцами и солдатами, занявшими наружные выходы и двери кабинета предсѣдателя, гдѣ арестовалъ весь составъ управы. Въ залу собранія, приступившаго къ обсужденію событія, ворвался комендантъ и, игнорируя предсѣдателя, предложилъ всѣмъ немедленно разойтись: «Товарищи, одѣвайтесь и уходите», потому что «контора будетъ опечатана», но «служащіе» свободны. Отъ коменданта потребовали мандата. Мандатъ оказался отъ центральнаго исполнительнаго комитета украинской рады или, какъ сокращенно зовутъ его крестьяне, «Цикука». «Цикука» предписывала арестовать управу и управляющаго дѣлами «губернской земской управы», «контору» запечатать, арестованныхъ перевести въ тюрьму. Коменданту разъясняли, что передъ нимъ—не служащіе, а земское собраніе (онъ въ этомъ, видимо, не разбирался), что въ мандатѣ говорится только объ арестѣ управы, на разгонъ же собранія ему не дано полномочій. Комендантъ растерялся и во время послѣдовавшихъ преній нѣсколько разъ то уходилъ изъ залы, то вновь входилъ, настойчиво требуя разойтись.

Въ собраніи сначала раздавались голоса за перерывъ засѣданія, такъ какъ вслѣдствіе взволнованности гласные заниматься не могутъ. Имъ возражали, что именно въ силу грозныхъ обстоятельствъ гласные обязаны быть на мѣстахъ, и одни совѣтовали, подчиняясь насилію, уйти и открыть засѣданіе въ другомъ помѣщеніи, иные же,—и особенно крестьяне,—приглашали не подчиняться: «Пришли нѣсколько красногвардейцевъ, и мы испугались... И что это за люди, откуда они явились, кто ихъ поставилъ—никому неизвѣстно. А можетъ, это хулиганы? А они насъ выгоняютъ. Насъ послало сюда все населеніе, демократія, дѣло дѣлать, а намъ мѣшаютъ. Если у нихъ—сила, то пусть выносятъ насъ отсюда, а уходить мы не должны... Товарищи! Пріѣхавъ домой, мы должны сказать по всѣмъ селеніямъ, что тутъ дѣлается. Пусть знаетъ народъ, какъ обращаются съ его избранниками»...

Собраніе рѣшило не расходиться. Редактировалась резолюція протеста. Въ это время комендантъ заявилъ: «Товарищи! Заниматься вамъ можно. Произошло недоразумѣніе». А слѣдомъ членъ «Цикуки» тоже заявилъ, что произошла ошибка при писаніи мандата: имѣлось въ виду арестовать и опечатать земельную управу, а не земскую; ошибка исправлена, и арестованные члены губернской управы освобождены.

Погромы.

ВОРОНЕЖЪ (*Отъ нашего корреспондента*). Погромное движеніе охватило Задонскій, Коротоякскій и часть Острогожскаго уѣзда. Въ Коротоякскомъ уѣздѣ всего разгромлено 12 имѣній съ высоко образцовымъ хозяйствомъ. Изъ нихъ семь уничтожены огнемъ. Разгромленныя имѣнія находились на учетѣ земельныхъ комитетовъ. По сообщеніямъ этихъ комитетовъ, въ подстрекательствѣ къ погромамъ повинны солдаты, прибывающіе съ фронта съ оружіемъ въ рукахъ и называющіе себя большевиками.

Въ имѣніи члена Государственной Думы Шидловскаго было уведено 150 породистыхъ кровныхъ лошадей, 75 породистыхъ племенныхъ коровъ и телятъ, 40 каракулевыхъ овецъ и нѣсколько десятковъ свиней. Захвачена домашняя обстановка: мебель, зеркала, картины и т. д. Богатая библіотека сожжена. Въ домъ помѣщика Михайлова погромщики втащили свинью, зарѣзали и начали палить тамъ же, отъ чего сожгли домъ. Въ другомъ имѣніи солдаты вытащили рояль, поставили его подъ сараемъ, гдѣ явившіеся ребятишки кольями дубасили по клавіатурѣ. Когда стали отбирать награбленное, то оказалось, что ни одной вещи не взято въ исправномъ видѣ... Все побито, поломано и испорчено. Имущество не только грабится, но и разрушается. Всюду торчатъ трубы обгорѣвшихъ барскихъ усадебъ; виднѣются полуразрушенные, разграбленные дома и надворныя постройки. Земельные комитеты выдѣлили отъ себя коммиссію для описи и учета расхищеннаго въ усадьбахъ имущества. Вооруженные отряды, несшіе службу отъ губернскаго земельнаго комитета по охранѣ помѣщичьихъ имѣній, находившихся на учетѣ у земельныхъ комитетовъ, безсильны были помѣшать погромамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вооруженные солдаты изъ этихъ отрядовъ даже поощряли дѣйствія погромщиковъ. Несмотря на телеграфныя просьбы о помощи предсѣдателя коротоякскаго земельнаго комитета, направленныя губернскому земельному комитету, послѣдній не могъ предпринять никакихъ срочныхъ мѣръ вслѣдствіе вмѣшательства въ земельное дѣло большевистскихъ коммиссаровъ. 12-го января губернская земельная управа была уже разогнана большевиками.